

7Н/УБ214
(039)

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной научной конференции

г. Минск, 20–21 марта 2008 г.

В двух частях

Часть 2

Минск 2008

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка
БГПУ В. Д. Стариченок;
доктор филологических наук, профессор кафедры культуры речи и межкультурных
коммуникаций БГПУ И. П. Кудреватых;
кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка БГПУ
Т. В. Балуш (отв. ред.)

Рецензент

доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики БГУ
С. М. Прохорова

Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 20–21 марта 2008 г. В 2 ч. Ч. 2 / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. Т. В. Балуш (отв. ред.), В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых. – Минск : БГПУ, 2008. – 277 с.

ISBN 978-985-501-544-5.

В сборнике представлены доклады, в которых поднимаются проблемы филологического, лингвоконцептуального анализа художественного текста, исследования текста в функционально-стилистическом, структурно-смысловом и прагматическом аспектах, решающих вопросы культурологической направленности преподавания языка и литературы.

Адресуется научным сотрудникам, аспирантам, студентам и всем интересующимся вопросами языкознания.

УДК 81'1
ББК 81.2

ISBN 978-985-501-544-5 (ч. 2)
ISBN 978-985-501-540-7

© БГПУ, 2008

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Е.А. Акуленко (Минск, Беларусь)

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОБУВИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

В современном белорусском литературном языке слова иноязычного происхождения составляют значительную часть лексико-семантической группы «Наименования обуви» (48% однословных номинаций).

Среди заимствований преобладают наименования из французского языка (*батфорты*, *галoшы/галёшы*, *сабо*; через немецкое посредничество – *гамашы*, *камашы*; через польский – *боты*, *пантофлі*) затем следуют английские названия (*буцы*, через русское посредничество – *кеды*). Единичными примерами представлены заимствования из греческого (*сандали*), немецкого (*туфлі*), эвенкийского (*унты*), ненецкого (*німы*) языков.

Рассматриваемая ЛСГ формировалась на протяжении длительного периода, поэтому в её составе имеются как давние заимствования белорусского языка (наименование *боты* впервые упоминается в письменных памятниках XV века, *пантофлі*, *сандали* известны с XVII столетия [2, 3]), так и лексемы, пополнившие словарный состав белорусского языка в XX веке (*кеды*). До начала XX века белорусы носили плетёную обувь – *лапці*, кожаную обувь – *пасталы* «мягкую сельскую обувь из целого кусочка кожи, которая привязывалась к ногам оборамии» [6], *боты*, *чаравікі*. Незначительное распространение имели *дзеравяшкі*. С конца XIX века в costume белорусов появилась валяная обувь (*валёнки*). Резиновую обувь (*бахілы*) начали носить в 1900-ые гг. [7, с. 18]. Позже с развитием спорта лексика белорусского языка пополнилась наименованиями *буцы*, *шытоўкі*, *красоўкі*, *чэшкі* и др.

Между лексическими единицами указанной ЛСГ установились определенные гиперо-гипонимические отношения. Родовым наименованием для рассматриваемой группы слов является исконное *абутак*, которое мы условно относим к гиперонимам первого уровня. Как видим, в данном случае таковым выступает собственно белорусская лексическая единица, и подобное наблюдение является закономерным не для всех гиперо-гипонимических группировок белорусского литературного языка. Обозначениями «рода» могут быть и иноязычные лексемы. Например, *мас-медыя* (англ. *mass* «масса, множество», *media* «средства, способы») – *прэса*, *радыё*, *тэлебачанне* и др.; *мэбля* (фр. *meuble*) – *стол*, *крэсла*, *канана*, *шафа* и др., *зброя* (польск. *zbroja*) – *аўтамат*, *пісталет*, *кулямёт* и др.

Заимствования могут находиться и на других уровнях иерархической системы. Они могут являться гипонимами по отношению к родовому понятию, например: *абутак* – *боты*, *туфлі*, *галoшы*. Выделенные примеры мы условно относим к гипонимам первого уровня, поскольку многие из них, в свою очередь, могут иметь подчиненные им лексические единицы и, таким образом, являются одновременно и гиперонимами второго уровня, например: *боты* – *батфорты*, *німы*, *валёнки*; *галoшы* – *бахілы*. Видовые лексические единицы таких рядов мы назвали гипонимами второго уровня, например: *батфорты* «кавалерыйскія *боты* з высокімі пашыранымі ўверсе халявамі»; *гамашы* – «мужчынскія *чаравікі*, першапачаткова з гумавамі ўстаўкамі па баках, без шнуроўкі».

с глазами оленя – Георгий [4, с. 183]. Глаза отражают человеческие чувства и эмоции, характер, интеллектуальные способности, только они способны «сказать правду». Глаза предстают как «вместилище»: У нас в глазах не видно боли [4, с. 35]; Стерегу в глазах молодых - истому [4, с. 85]; Глаза – без всякого тепла [4, с. 312], Какой-то пожар в глазах [4, с. 106].

В поэзии М. Цветаевой ситуация ЗВ является важной составляющей в смысловых организации стихотворения. Высказывания ЗВ формируют эмоциональный тематический, сюжетно-композиционный уровни текста. В ряде стихотворений с помощью репрезентируется идея противопоставления: Вчера еще в глаза глядел, / нынче – все косится в сторону [4, с. 152].

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Филологический анализ текста. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 400 с.
2. Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. – Томск: Из-во ТГУ, 2006. – 194 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
4. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1991. – 688 с.

И.П. Кудреватых (Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ КОМПРЕССИЯ В ИДИОСТИЛЕ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

Язык художественной литературы – это своеобразный смысловой код, интерпретировать который в соответствии с коммуникативными намерениями автора значит установить различные типы отношений между разноуровневыми языковыми единицами, участвующими в создании смысловой «ткани» текста. И в этом плане языковая компрессия В.Токаревой – это своеобразная авторская модель субъективной модальности, находящая выражение в лексико-грамматической структуре текста и способствующая созданию богатейших читательских ассоциаций.

Стилистически маркированными единицами языковой компрессии Токаревой выступают парцелляция, аграмматизм как нарушение валентностных характеристик лексических единиц, элементы диалога парцеллированного типа, контаминация прямого и переносного значений в пределах одного предложения. Формально языковая представленность текстовых единиц в произведениях писателя и их модально-семантическая направленность создают второй план повествования – подтекст. Функционально-стилистическая семантика языковых структур может передавать одновременно эстетически-возвышенную и разговорную стихию, например: «Неужели влюбила? Этого только не хватало». Но именно этого только и не хватало. Не хватало. Этого. Только. Слишком долго стояло в ней отсутствие жизни. Отсутствие всего. Вакуум («Я есть. Ты есть. Он есть»).

Лексико-грамматические средства в текстовых условиях приобретают различные синтаксические значения и устанавливают ассоциативную множественность смыслов, не снимая тем самым семантической неопределенности слова. Эту особенность многозначного слова и, можно добавить, грамматической формы, подчеркивал И.Р. Гальперин, указывая, что она позволяет лучше представить себе многогранность

возможной информации, содержащейся в слове [4]. Более того, многозначность, или семантическая неопределенность, лексико-грамматической структуры «не является помехой для интерпретации – наоборот, как существование разных голосов в полифонии, такой прием в стилистике осмысливается как эффективное средство для выражения сложных чувств, отношений субъекта к действительности» [2, с. 304]. Например: Молодость отличается от немолодости – зависимостью от мнения окружающих. Вообще зависимостью («Счастливы конец»); За талант дают горячие сосиски, черничное тирожное. И что-то лишнее. Лишнее – свобода («Лиловый костюм»); Природа лучше знает, что ей надо, а что нет. И человек – не Бог, а тоже часть природы, такой же, скажем, как болото («Не сотвори»); Это было год назад. Траншею зарыли. По ней много воды утекло. Сейчас – другая жизнь. Другие проблемы («Банкетный зал»). Смысловая многозначность текста – это результат языковой компрессии, проявляющейся в определенной свободе функционирования слов, «системно закрепленных на шкале иерархической зависимости» [2, с. 304].

Весь набор структурных средств В. Токаревой создает определенный эмоционально-модальный фон: то трогательно-возвышенный, то юмористический, а иногда иронично-саркастический. При этом синтаксическое значение языковых единиц, определяющее их функционально-стилистическую семантику, можно рассматривать как проявление асимметрии языкового знака – прежде всего, на уровне синтагматики. Парадигматика как проявление интегральных (системных) отношений языковых единиц в условиях метаконтекста (художественного текста как целостного образования) становится своеобразной призмой всего художественного и философского мировоззрения – на всей картине мира писателя.

Языковая компрессия В. Токаревой – это особая «система координат», основным признаком которой является дискурсивность, «по-новому фокусирующая традиционно описываемые текстовые признаки» [6, с. 13]. Содержание дискурса Токаревой раскрывается не только комплексом лексико-грамматических единиц, но всем комплексом взаимодействия текстов. Например, одна из сем «одиночество женщины» создается следующим интертекстуальным полем: Тамара уже забыла, какого она рода. Промежуточного. Ни мужчина, ни женщина. И мужчина и женщина («Пять фигур на постаменте») Все сидят, слушают симфонию Калинникова и думают о любви. Кроме меня («Рарака») – Сюда! – позвала Маша, и Романова послушно пошла. И встала. И смотрела. И было красиво. Но не нужна эта красота ей ОДНОЙ. Без со-участия, со-переживания близкого ей человека. Это все равно что в одиночку есть жареные бананы («Сентиментальное путешествие»). Именно такое коммуникативное пространство и позволяет определить идиостиль В. Токаревой как дискурс, или, по определению Н.Д. Арутюновой, «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 136]. Раскрывая отличительную черту дискурса В. Токаревой, можно вспомнить метафорическое сравнение Н.Д. Бурвиковой: «Текст – это джин в бутылке., дискурс – джин, выпущенный из бутылки» [2, с. 32], т.е. это особый набор лексико-грамматических характеристик, особый ментальный мир как проявление современного типа иронического мышления.

«Смысл... любого языкового выражения, – писал Б. Гаспаров, – представляет собой открытый, никогда не получающий полной завершенности продукт духовной деятельности., смысловой процесс с его открытостью, разнонаправленностью и бесконечностью потенциального развертывания» [5, с. 260–261]. Язык В. Токаревой, такой простой и знакомый, рождает богатейшие ассоциации, подтверждая тем самым мысль Ю. М. Лотмана: чем больше интерпретаций текста, тем текст ценнее.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь М., 1990.
2. Бендетович Г.Б. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление // Стил. – 2007. – № 6. – Београд.
3. Бурвикова Н.Д. Прокрустово ложе текста и метаморфозы дискурса // Слово и текст в диалоге культур. – М., 2000.
4. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. – М., 1974.
5. Гаспаров Б. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
6. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность, дискурсивность – интердискурсивность // Стил. – 2007. – № 6. – Београд.

Е.К. Куксик (Минск, Беларусь)

ФУНКЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «КРАСНЫЙ СМЕХ»)

Особый этап в творчестве Л.Н. Андреева открывается повестью «Красный смех», которая явилась откликом на русско-японскую войну, поразившую писателя своей бессмысленной жестокостью. «Красный смех» стал попыткой воссоздать психологию войны, показать состояние человеческой психики в атмосфере «безумия и ужаса». В созданной писателем повести даются отрывочные записи воспоминаний сошедшего с ума офицера, а затем такие же записи размышлений и наблюдений его брата, сходящего с ума.

Экспрессионизм – так можно определить творческий метод Л.Н. Андреева, реализуемый писателем в повести «Красный смех». Дисгармоничные, деформированные образы, пересоздание действительности посредством столкновения контрастного, использование приемов отвлеченной схематизации, антитезы и гиперболизации, резкие эпитеты и выразительные сравнительные обороты указывают на экспрессивное начало в повести «Красный смех».

Опосредованное отношение автора к изображаемому деформированному миру в «Красном смехе» выражается посредством сравнений. Как отмечает В.В. Виноград, в «сравнения нового времени в литературе ориентированы на реалию. Для них типично передать внешнее сходство. Однако сравнениям нового времени присуща не только изобразительная функция – многие из них являются также средством выражения нового смысла. Таким образом, сравнение является универсальным средством достижения экспрессивности (воздействующего эффекта), т.к. оно участвует в формировании и образности, и эмотивности, и оценочности, и других составляющих средств экспрессивности текста. Сравнения, употребляющиеся в художественных текстах, не отвечают строгим логическим требованиям: в них сплошь и рядом нарушается логика здравого смысла, но это нарушение не воспринимается как алогизм, а служит важнейшим механизмом для построения новых знаний» [2, с. 405]. Именно сравнение придает известным словам и образам новый глубинный смысл.

Наблюдения над сравнениями в «Красном смехе» Л.Н. Андреева позволяют констатировать их неоднородность с точки зрения семантики, структуры, формы и функций, используя классификацию В.Я. Масловой.

В.Я. Маслова обращает особое внимание на богатую стилистическую роль данной конструкции. Она рассматривает экспрессивные сравнения, объединяет несколько признаков (семантический, структурный, эмоциональный) и выделяет следующие типы сравнений:

1. Сравнения-интенсификаторы. Данные сравнения выражают высокую степень качества с оттенком преувеличения. Эти сравнения – особый способ описания объекта, в них сближаются разные предметы, чтобы лучше описать один из них. Обратимся к художественному тексту: «Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне» [1, с. 22]. «В разных местах горизонта, молчаливой цепью, стояли такие же неподвижные зарева, как будто десятки солнц всходили одновременно» [1, с. 27]. «И с каждым нашим шагом зловеще нарастал этот дикий, неслыханный стон, не имевший видимого источника, – как будто стонал красный воздух, как будто стоили земля и небо» [1, с. 29]. «Одежда наша стала мокра от крови, как будто дождь стоял над нами под кровавым дождем» [1, с. 39]. «Стон стлался по земле – тонкий, безнадежный, похожий на детский плач или на тысячи заброшенных и замерзающих щенят» [1, с. 42]. «...толпа рывкнула – рывкнула, как один огромный и злобный пес, у которого цепь коротка и непрочна» [1, с. 51].

Таким образом, общей чертой сравнений-интенсификаторов является то, что они имеют целью внести дополнительные образные ассоциации, изменяя или укрепляя общую образность и экспрессивность фразы.

2. Сравнения-образы, т.е. сравнения как средства образного представления темы. Такие сравнения усиливают эффективность высказывания за счет возникающего образа и концентрации мысли. При этом в реальный план врывается образный. «Мы бродили по колена в грязи, а голова кружилась от этого красного вина...» [1, с. 36]. «Ты ведь знаешь, земля сошла с ума. На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая, как голова, с которой содрали кожу» [1, с. 39]. «...их спокойствие, их благородство – спокойствие этого зверя, чувствующего себя в безопасности» [1, с. 57]. «...маленькие блестящие солнца отовсюду, с боков и снизу забирались в глаза, огненно-белые, острые, как концы добела раскаленных штыков» [1, с. 31]. «Один обрывались в глубокие воронкообразные ямы и повисали животами на острых кольях, дергаясь и танцуя, как игрушечные паяцы...» [1, с. 45].

Анализируя данные примеры, можно заключить, что в основании сравнений этой группы лежит общий признак – эмоциональное воздействие на читателя.

3. Сравнения-метафоры. Они близки к сравнениям-образам. Основным критерием разграничения данных типов является расстояние между сравниваемыми объектами. При сравнениях-образам не допускается больших семантических расстояний между сравниваемыми объектами. Сравнения-метафоры своего рода вызов языковому сознанию: в них устанавливаются нетривиальные отношения между двумя понятиями. «Вороны сидят рядом с нами, потерявшие страх, они провожают нас всюду, – и всегда мы под ними, как под движущимся деревом с черными листьями» [1, с. 26]. «Вечно отнимать жизнь – это так же хорошо, как играть в лаун-теннис планетами и звездами» [1, с. 38]. «Лицо его побелело, и глаза повисли на щеках, как белые пузыри» [1, с. 63]. «Что было написано там такое печальное, как цветочек?» [1, с. 67]. «У всех зрачки сужены – а у него расплылись они во весь глаз: какое море огня должен видеть он сквозь эти огромные черные окуя» [1, с. 71]. «...как лягушка, привязанная на нитке, зашлепала по бумаге моя рука» [1, с. 49].

Таким образом, сравнения-метафоры, отрываясь от реалий, создают особую художественную реальность.

Клокова А.Г. (Минск, Беларусь) ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРТНЕРОВ ПО ОБЩЕНИЮ КАК АСПЕКТ ДИСКУРСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	91
Ковалева Н.Н. (Минск, Беларусь) ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР У Р. РОЛЛАНА И Л. ТОЛСТОГО.....	92
Кожмяченко Е.В. (Минск, Беларусь) СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ОБРАЗНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ.....	96
Кольцова Л.М. (Воронеж, Россия) ПУНКТУАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	99
Комаровская Т.Е. (Минск, Беларусь) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТОВ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКОМ ФИЛОСОФСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА: «МАРТОВСКИЕ ИДЫ» Т. УАЙЛДЕРА.....	100
Крохмальник А.Ю. (Гомель, Беларусь) НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ОКУЛЕСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЛИБО ВРЕМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА».....	102
Крюкова Л.Б. (Томск, Россия) ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ.....	104
Кудреватых И.П. (Минск, Беларусь) ЯЗЫКОВАЯ КОМПРЕССИЯ В ИДИОСТИЛЕ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ.....	106
Куксиак Е.К. (Минск, Беларусь) ФУНКЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (на примере повести Л. Андреева «Красный смех»).....	108
Кунец С.В. (Минск, Беларусь) О СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ.....	110
Кунтыш М.Ф. (Витебск, Беларусь) ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «ГУМАН» В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА.....	112
Кураш С.Б. (Мозырь, Беларусь) ДИАЛОГ ТЕКСТОВ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР (сквозь призму метафоры).....	115
Кураш Т.Н. (Мозырь, Беларусь) ФРАЗЕОЛОГИЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ.....	117
Лапкоўская А.М. (Гродна, Беларусь) СТРУКТУРНО-СЕНСАВАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ РАЗВАЖАННЯ ў НАВУКОВЫХ ТЭКСТАХ.....	120
Лебедевская Т.В. (Минск, Беларусь) МЕСТО ФОНЕТИКО-ИНТОНАЦИОННОЙ ПСИХОГЛОССЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	122
Левченко-Комиссаренко Т.Л. (Харьков, Украина) САКРАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА КАК СРЕДСТВО ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛОВ И КОНДЕНСАТОР КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (на материале проповедей Антония Радзивиловского).....	124
Лясецкая Т.Э. (Минск, Беларусь) ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-ХАРАКТЕРИСТИКИ В РОМАНЕ Ю. БОНДАРЕВА «ВЫБОР».....	126
Ляшчынская В. А. (Гомель, Беларусь) ДВА АСПЕКТЫ ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛІГІЧНАГА АНАЛІЗУ ТЭКСТУ.....	129
Лясковіч С.М. (Полацк, Беларусь) ФЛАРИСТЫЧНАЯ СІМВОЛІКА ў ТВОРАХ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА.....	132
Міхайлава А.У. (Мінск, Беларусь) КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ МУЗЫКІ ў ВЕРШАХ ЯКУБА КОЛАСА.....	134
Назина Г.А. (Минск, Беларусь) О СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ.....	136
Николина Т.С. (Минск, Беларусь) ЯЗЫК – ТЕКСТ – ПРОСТРАНСТВО.....	137
Ольховская Н.С. (Мелитополь, Украина) ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ТОМАСА БЕРНХАРДА.....	139
Подберезская Ю.А. (Минск, Беларусь) КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТА ГЛАЗ ГЕРОЕВ В РОМАНАХ В.КОРОТКЕВИЧА И О.ИПАТОВОЙ (сопоставительный аспект).....	141

Поўх І.В. (Мінск, Беларусь) АРХЕТЫП ТРАНСФАРМАЦЫІ І ТЭМА КАХАННЯ ў ПАЭЗІІ НУАЛЫ НІ ГОНІЛ І РАІСЫ БАРАВКОВАЙ.....	143
Пристром Е.С. (Минск, Беларусь) ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ОСНОВА АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ТЕКСТА.....	145
Прозарава Л.І. (Мазырь, Беларусь) МЕТАФАРЫЧНЫЯ ТЭКСТЫ, ЗАСНАВАНЫЯ НА ПЕРСАНІФІКАЦЫІ ПРЫРОДНЫХ З’ЯЎ.....	147
Развадовская Н.А. (Минск, Беларусь) ОБРАЗ АГАСФЕРА В РАССКАЗЕ ДЖЕЙМСА БАЛЛАРДА «ПОХИЩЕННЫЙ ЛЕОНАРДО».....	148
Расулов Р.К. (Баку, Азербайджан) САКРАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».....	150
Ратникова И.Э. (Минск, Беларусь) ИМЯ СОБСТВЕННОЕ–МЕТАФОРА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ.....	151
Ратько Т.В. (Минск, Беларусь) СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ И ИХ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	153
Ревуцкий О.И. (Мозырь, Беларусь) РУССКИЕ МЕТАФОРЫЧНЫЕ ТЕКСТЫ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МОДЕЛИ «ПОСЛЫТЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И НРАВСТВЕННОЙ СФЕР-ЛИЦА».....	155
Ревакина А.В. (Минск, Беларусь) СОПОВИДЕНІЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	158
Рошина Л.М. (Москва, Россия) ДВА РУССКИХ МИРА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	160
Рябова Т.Н. (Минск, Беларусь) КАВАЛІТАТІВНОСТЬ МЕТАФОР АНТРОПОМОРФИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕННОСТИ.....	162
Сажина Е.В. (Гомель, Беларусь) РОЛЬ КОНСТРУКЦИИ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ДИСКУРСА.....	163
Самусенко В.И. (Минск, Беларусь) ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ОБРАЗНО-ЯЗЫКОВУЮ КУЛЬТУРУ РУССКОГО НАТУРАЛИЗМА.....	165
Семирская Т.Г. (Минск, Беларусь) СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ В ИДИОСТИЛЕ В. ХЛЕБНИКОВА.....	166
Собольская Н.Л. (Минск, Беларусь) ГЕНДЕРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ИДИОСТИЛЕ И МЕЛАНХОЛИИ.....	169
Соколова Н.Л. (Мозырь, Беларусь) ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ ЖАНРА ХАРАКТЕРИСТИКИ (на материале рассказа А.И. Куприна «Тапер»).....	171
Тарасенко И.И. (Днепропетровск, Украина) ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ И Н. ГУМИЛЕВА.....	173
Таратухина Ю.В. (Москва, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	175
Трутько В.В. (Минск, Беларусь) ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВОГО ОБРАЗА <i>НЕНАВИСТЬ</i> В «БАЛЛАДЕ О НЕНАВИСТИ» В. ВЫСОЦКОГО (из цикла «Стрелы Робин Гуда»).....	176
Фисенко О.С. (Душанбе, Таджикистан) КОНЦЕПТ <i>ГРОЗА</i> В ОБЫДЕННОМ И НАУЧНОМ СОЗНАНИИ.....	178
Харкевич Т.И. (Минск, Беларусь) ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ КАК ЛИТЕРАТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ.....	180
Хомякова О.Р. (Минск, Беларусь) МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ХАРИЕДОЙ РЕЛИГИИ: КОНФЛИКТ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА.....	182
Чарняўская Т.А. (Мінск, Беларусь) КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ МУЗЫКІ ў МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ ПАЎЛЮКА ТРУСА.....	184
Чжоу Бао Цюань, Михайлова Е.В. (Минск, Беларусь) НАЗВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	186
Чупик В.В. (Минск, Беларусь) ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ ИДИОСТИЛЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	188